

чительно более древней эпохе нашел Острогорский у Порфириогенита в главе о родословии сербских жупанов.¹³⁰ Существование такого сербского произведения в середине X в. представляет особую важность для истории славянских литератур. Оно свидетельствует об общем развитии этой категории исторической литературы в древнейшем периоде старославянской письменности, чем в значительной степени подкрепляется гипотеза о существовании древней моравской летописи и о первоначальных болгарских летописных заметках, а вместе с тем ставится на очередь и пересмотр вопроса о специфичности русского летописания, которое возникает в первой половине XI в.

Наконец, в данной связи следует напомнить и об известном факте каллиграфического искусства и иллюстраторского искусства Мирославова евангелия, которые говорят о том, что в зетско-хумской области во второй половине XII в. существовала высокоразвитая скрипторская школа с выработанной системой прописания, особым типом графики и особым орнаментальным стилем, сформировавшимся под непосредственным влиянием романского искусства, которое в то время процветало в южной Италии и в соседних областях Хорватской Далмации. Мы уже говорили о культурных связях всей этой территории как с преславско-охридской традицией на юго-востоке, так и со старославянской глаголической традицией на северо-западе. В XI и XII вв. при все возраставшем обособлении западной и восточной культурной ориентации на славянских Балканах славянская письменность все-таки еще в значительной степени сохраняла связь с исконной кирилло-мефодиевской традицией и представляла лишь местные ветви общеславянской литературы.

Не исключено, что найдутся и ясные следы литературных сербско-хорватских и, может быть, македонских связей с восточным славянством в XI и XII вв. Если существовали дипломатические и церковные связи между Владимиром I и Охридом в первые годы после крещения Руси, нужно думать, что Самуил и после 1001 г., когда Василий II завоевал Преславскую Болгарию, должен был искать пути для продолжения этих связей, и таким мог быть путь через Венгрию. Можно предполагать и возможность русско-сербских политических сношений в эпоху до Немани, когда сербы в борьбе с Византией опирались на соседнюю Венгрию. Как раз от этого периода сохранилось и одно известие о династических связях Рюриковичей с сербами. В 1150 г. дочь серба Белы, который в то время был баном Венгрии, вышла замуж за князя Владимира Мстиславовича Дорогобужского (сына в. кн. Мстислава I). Этот брак заключен в рамках русско-венгерских политических связей, но именно эти связи и приводили Русь к политическим отношениям с южным славянством. Могли ли они не дать известного отражения и в области культурных взаимосвязей, в частности в литературе?

Для рубежа XII—XIII вв. должен быть отмечен чрезвычайно интересный и важный культурно-исторический факт, на который до сих пор как-то не обращали должного внимания, — полное отсутствие на Балканах славянских рукописей до конца XII в. Это особенно бросается в глаза по сравнению с числом сохранившихся русских рукописей того же периода. В России И. И. Срезневский для XI в. нашел более 20 рукописей, 7 из которых датированы. Для XII в. Н. В. Волков указал в своем ценном ста-

¹³⁰ Г. Острогорски. Порфириогенитова хроника српских владара и њени хронолошки подаци. — Историски Часопис Српске Академије наука, год 1, св. 1—2. Београд, 1948, стр. 3—8.